

В гостях *странной* У СКАЗКИ

Владимир Геклов

Аннотация

Кто, спрашивается, не мечтал попасть в сказку? Вот Иван Петрович Семёнов и попал. Только сказочка эта оказалась какая-то странная, неправильная. Не совсем та, где мёда корец да венец под конец. А та — где, чем дальше, тем страшнее... Мало того. Сказка эта — экспериментальная: без пролога, но с двумя непредсказуемыми финалами, четырьмя эпилогами и одним поэтическим приложением.

Вландрий Геклов В ГОСТЯХ У СТРАННОЙ СКАЗКИ

Озорная повесть-сказка для подростков
преклонного возраста
*(без пролога, но с двумя непредсказуемыми
финалами, четырьмя эпилогами и одним
поэтическим приложением)*

Посвящение

*Вацлаву Ворличеку,
режиссёру замечательного телесериала
«Арабелла», с благодарностью.*

Пояснение

Россия, 2000-ые. ПЕРЕстройка уже отгремела,
ПЕРЕдел и ПЕРЕстрелка в разгаре, ПЕРЕкличка ещё
впереди.

Перечисление

Иван Петрович Семёнов — провинциальный российский интеллигент; достойный наследник гайдаевского Шурика.

Серафим Евграфович Семирамидский — чокнутый профессор; в смысле гениальности и феноменальной рассеянности, достойный конкурент жюльверновского Паганеля.

Илья Муромец — былинный богатырь.

Кощей Бессмертный — сказочный персонаж.

Вовочка — персонаж позднесоветского школьного фольклора.

Баба-Яга — фольклорный элемент.

Колян (он же Патрон) — злоумышленник № 1.

Штопор — злоумышленник № 2.

Степан Бутербродов — старший лейтенант милиции.

Всякое совпадение с реальными лицами и событиями — не более чем преднамеренная случайность.

*Вот вы говорите:
«Живётся, как в сказке!»
Но сами судите,
Легко ли в ней жить,
Когда в этой сказке
Нельзя без опаски
Из-за неясностей,
И непонятностей,
И неизвестностей,
И неприятностей
(Ой, как это всё сложно!
Но в этом-то и прелесть!)
Нельзя без опаски
Ни шагу ступить.
Смешные и странные
В сказке порядки.
Здесь всё по-другому,
Всё как-то не так.
Куда ни заглянешь —
Сплошные загадки.
Куда ни помотришь,
Ну, куда ни помотришь, —
Сплошной кавардак!*

***В. А. Левин, песенка Алисы из м/ф «Алиса в
Зазеркалье»***

Глава Первая, из которой следует, что даже самые необычные и удивительные события начинаются крайне обыденно и заурядно

*Разбудит утром не петух, прокукарекав, —
Сержант поднимет — как человека.*

В. С. Высоцкий,
«Милицейский протокол»

Хотите — верьте, хотите — проверьте, но эта удивительная, фантастическая, я бы даже сказал, фантазмагорическая история, полная захватывающих приключений и невероятнейших происшествий началась в обыкновенном провинциальном... медвытрезвителе.

Да-да, не удивляйтесь, уважаемые читатели. Именно в стенах этого, если так можно выразиться, лечебно-оздоровительного заведения (чьим гостем, возможно, доводилось бывать и вам) завязался клубок диковинных событий, коренным образом перевернувших не только жизнь героя сего повествования, но и ход всей мировой истории.

Нет, вы не подумайте, будто герой наш какой-нибудь пропащий пьяница, или, не приведи Господи, алкоголик. Вовсе нет. Просто так получилось, что...

Впрочем, постойте. Давайте обо всем по порядку...

* * *

Тонкий солнечный луч сверкающей спицей пронзил засиженное мухами оконное стекло и, отразившись в мутном треснувшем зеркале, юркой белкой проскакал по стоящим в шахматном порядке панцирным кроватям.

Прыг-скок,
прыг-скок,
прыг-скок.

Не ведая преград, бойкий зверек соляной породы шустро вскарабкался по обшарпанной, выдавшей виды этажерке, ловко перемахнул с неё на выкрашенную в цвет морской капусты тумбочку, а уже с оной стремительно десантировался прямиком на макушку расположившегося в дальнем углу человека.

Обладатель углового койко-места никак не отреагировал на вторжение непрошенного гостя. Он мирно спал, изредка издавая громоподобные хрюки и руладообразные чваки.

Неугомонный солнечный грызун осторожненько соскользнул с темечка, повис на оттопыренном ухе золотистой клипсой, затем, хохмы ради, лизнул хрюкающе-чвакающего спуна в поросшую жесткой каштановой щетиной щёку.

Никакого результата. Тогда огненно-рыжий хулиган принялся щекотать упрямому соне ноздри. Опять-таки безуспешно. Оставалось последнее средство, и оранжевый озорник не отказал себе в удовольствии им воспользоваться. Он ухватил дрему за длинные белесые ресницы, оттянул хорошенько веки и выверенным движением замахиваясь полоснул лежебоку по глазам солнечной бритвой...

* * *

Иван Петрович Семёнов вскочил, что ужаленный. Сон как рукой сняло.

Не по-осеннему яркое солнце слепило, словно электрическая лампа на допросе у следователя НКВД. Перед глазами плыли радужные круги, голова гудела, точно огромный колокол, в который что есть мочи колотил небезызвестный нотр-дамский горбун. В горле пересохло, а во рту будто кошки, извиняюсь, нагадили. Порой Ивану Петровичу казалось, что кошкам явно пособляли собаки, а, возможно, даже и мыши с голубями.

— Где я? — Семёнов ошалело оглянулся по сторонам.

Пол. Потолок. Четыре стены, выложенные некогда белым, а ныне — желтоватым в разводах кафелем. Задранная невесть на какую высоту узкая

бойница единственного, почему-то зарешеченного, окна. Застеленные казенным проштампованным бельем панцирные кровати. Этажерка времен, уж коли не очаковских, и не покорения Крыма, то наверняка эпохи передачи Таврического полуострова Украинской ССР. Пошедшее паутиной микроскопических трещин зеркало, подозрительной расцветки тумбочка и шаткий, не вызывающий абсолютно никакого доверия табурет. Вот и вся вам обстановочка. М-да...

Гробовая тишина и еле уловимый запах хлорки придавали и без того убогому, малоуютному помещению похоронно-траурный вид.

— Неужели я почил в бозе и меня, то есть мое брренное тело, поместили в морг?!

Ивана Петровича аж передернуло от такой совсем не радужной перспективы.

Взгляд кандидата в покойники хаотично, подобно пуле дум-дум, метнулся по скудно обставленной комнате в поисках опровержения ужасной догадки. После третьего циркумкроватьного осмотра взор Семёнова зацепился за выцветший от времени плакат с изображением огромной водочной бутылки. Внутри великанской посуды художник (эдакий наследник Кукрыниксов) изобразил сидящего в позе роденовского мыслителя человека с

морковно-красным носом. Черты лица узника стеклотары страшно исказились от непомерного мысленного напряжения. По замыслу автора композиции, морковноносый арестант стоял (или все-таки сидел?) перед поистине гамлетовской дилеммой: «Пить или не пить?». Аккурат над бутылочным горлышком безвестный плакатист размашисто вывел: «Пьянству — бой!».

— Фу ты! — облегченно вздохнул несостоявшийся усопший и, обмякнув, словно сдувшийся аэростат, повалился на подушку. — Кажется, я знаю, где нахожусь. Я в...

Довести мысль до логического завершения Семёнов не успел. Дверь в комнату со страшным скрипом отворилась, на пороге возник краснощекий здоровяк в милицейской форме. На плечах представителя правоохранительных органов красовались погоны с тремя золотистыми «сопельками».

«Сержант», — сообразил Иван Петрович, хоть в армии по состоянию здоровья не служил (плоскостопие, знаете ли, помноженное на близорукость, язву и астму).

Рдяноланитый сержант набрал в грудь воздуха и, дико выпучив глаза, что тот самый лангуст-переросток, заорал дурниной:

— Подъём!!!

В кабинете начальника медвытрезвителя № 2 города Мухозванска майора Вахтанга Тариеловича Опохмелидзе царила тишина. Вязкая, как патока, гнетущая, почище злобных тёмных сил из стародавней революционной песни.

Хозяин кабинета, эдакий Гаргантюа в милицейской форме, соответствовал своей фамилии на все двести процентов. Он обладал колоритной, ярко выраженной кавказской внешностью, а источаемое им амбре, явно свидетельствовало: припрятанный накануне супругой Вахтанга Георгиевича, Пульхерией Карловной, шкалик, в результате проведенных начальником медвытрезвителя оперативно-розыскных мероприятий был все-таки обнаружен, а его содержимое безапелляционно уничтожено.

Вахтанг Тариелович не любил дежурить по выходным. Невеликое, надо заметить, удовольствие, проторчать всю субботу в тесном, душном кабинете. Уж лучше дома, на диванчике, перед зомбиящиком с пивком поваляться... Но, как грится, служба — есть служба. В конце концов, график дежурств Опохмелдзе утверждал собственноручно. Всё как в той классической киношке: не враг давал, сам ковал...

Майор не спеша перелистал паспорт на имя

Семёнова Ивана Петровича, 197... года рождения, в сотый раз сличил фотографию с сидевшим напротив оригиналом.

Последний, в смысле «оригинал», являл собой полную противоположность начальнику медвытрезвителя. Невысокий, тщедушный, с простоватым, усыпанным веснушками, лицом, всего более он походил на нерадивого «скубента» или пэтэушника (и не скажешь, что мужику уже за тридцатник). Васильковые глаза, нос пуговкой и прямые волосы цвета половины выдавали в нем исконного жителя Среднерусской возвышенности. На мир незадачливый клиент вытрезвителя взирал через большие круглые очки a-la Джон Леннон.

Был, правда, один маленький штришок, который как бы роднил хозяина кабинета и его невольного посетителя, этих новоявленных Давида и Голиафа. Этим штришком, как ни странно, был... запах. Стойкий сивушный дух, красноречиво говорящий (впрочем, запахи говорить не умеют) о том, что Иван Петрович Семёнов провел ночь в стенах медвытрезвителя далеко неслучайно.

— Так ви, говорите, работаете в краевэдческом музее? — нарушил тишину Вахтанг Тариелович.

— Да, — потупив взор, просипел Семёнов. — Заведующим отделом культуры.

— Вот именно! — активно жестикулируя,

пророкотал грозный майор. Произнёс по складам: — Куль-ту-ры! — Указательный палец Опохмелидзе, волосатым сталагмитом, застыл перед вздёрнутым носом музейного работника. — Что же ви так, Иван Пётрович? Какой пример ви подаете людям? Нэхорошо.

Семёнов шмыгнул носом, точно нашкодивший школяр, и, подражая аквариумной черепашке, вжал голову в панцирь... ой, то есть в плечи. Конечно, нехорошо. Чего уж тут хорошего. Хорошо было вчера. Вчера у него был день рождения. Стукнуло ровно тридцать пять. Юбилей, так сказать. Вдобавок ко всему, день рождения совпал с днем получки, и юбиляр решил отметить это счастливое совпадение с коллегами по работе.

Отметили, видать, неплохо, коль скоро проснулся Иван Петрович не дома, в теплой уютной постели, а в медвытрезвителе, на ледяной скрипучей койке. Хорошо хоть в вытрезвителе, а не в каком-нибудь Ленинграде (теперь уже Петербурге), как герой одной старой доброй кинокомедии.

Подробности вчерашнего кутежа горе-юбиляр помнил плохо. Припоминал только, как глубоко за полночь пил коньяк из черепа неандертальца, вопил с Женькой Стаканчиковым похабные частушки и лихо откаблучивал чечетку на древнеегипетском саркофаге, привезенном в позапрошлом веке из

Африки одним Мухозванским помещиком... Недаром говорят, в тихом омуте черти водятся. Широкий расейский интеллигент в алкогольном угаре.

А всё Женька, неутомимая натура. «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!.. За день рождения!.. За юбилей!.. За родной музей!.. За краеведение!.. За мир во всём мире!.. За то, чтобы всё у нас было, и ничего нам за это не было!.. За...»

От ностальгических воспоминаний Семёнова отвлек голос Опохмелидзе.

— Надёюсь, я вижу вас здэс в первый и в последний раз. Услуги нашего заведения оплатите в банке. — Майор протянул Ивану паспорт. — Можете быть свободны. Вэщи получите у дежурного.

* * *

— Получите, распишитесь, — буркнул дежурный милиционер с прапорщицкими звездами на погонах, высыпая на стол кучу предметов, изъятых у Семёнова накануне.

Обручальное кольцо, старые добрые «Командирские» часы, лет пять назад подаренные женой Любашей на 23 февраля, словно изжеванный носовой платок, хранивший следы позавчерашнего обеда и хронического насморка, связка ключей и потрёпанное гранитоловое портмоне.

Иван поспешно надел кольцо, спрятал ключи и платок в карман, проверил точность часов (ого, уже половина девятого!), открыл кошелёк и... с ужасом обнаружил, что тот абсолютно пуст! То есть, конечно, не абсолютно — на дне звякнуло несколько медных монет, а в самом углу завалялся мятый абонементный талончик на проезд в городском транспорте (впрочем, уже прокомпостированный).

Но где же зарплата?!?! Иван точно помнил: вчера была пятница, 25 октября, его день рождения и соответственно день полочки. Отлично помнил, как сам, собственноручно расписывался в ведомости у бухгалтера напротив суммы 4.735 рублей 00 копеек, как пересчитывал хрустящие купюры и аккуратно укладывал их в портмоне. Конечно, он вчера немного покутил, побалагурил. Но не мог же он прогулять *всю* месячную зарплату! Все 4.735 рублей 00 копеек!!!

— По-озвольте, — возмутился Иван, пытаюсь поправить сбившийся набок узел галстука. — А где мои деньги?!

— Какие деньги? — Брови дежурного изогнулись мохнатой радугой. Казалось, искреннему удивлению сотрудника вытрезвителя поистине не имелось границ.

— Но тут же, — Семёнов потряс перед носом милиционера пустым кошельком, — были деньги!

Прапорщик сохранял спокойствие абиссинского негуса. Жестом заправского иллюзиониста он извлек, как показалось Ивану, прямо из воздуха некую бумагу.

— Вот протокол вашего задержания. Никаких денег при вас обнаружено не было.

— Но... — попытался вернуться к животрепещущему вопросу о пропавших банковских билетах Иван.

Тут в руках у прапорщика поистине магическим образом материализовалась волшебная палочка, в коей невезучий именинник без особого труда распознал резиновую дубинку, ласково прозванную в народе «демократизатором», аргумент, надо признать, крайне веский и весьма убедительный.

— Вопросы есть? — доверительно спросил дежурный, как бы между делом постукивая «демократизатором» по ладони. Тут же сам себе ответил: — Вопросов нет... Свободен.

Иван Петрович с далеко не пророческой тоскою посмотрел в добрые-добрые, как у дедушки Ленина из древнучего анекдота, глаза сотрудника вырезвителя, понял, что аудиенция закончена, и решил от греха подальше покинуть негостеприимное учреждение.

Холодное октябрьское солнце лениво карабкалось по небосводу. Отражаясь в окнах домов и зеркалах замерзших луж, ленивое светило окрашивало город Мухозванск в абрикосово-айвовые тона. Улицы пустовали. Как-никак суббота, выходной. И лишь дворники, невзирая на ранний час, лёгкий морозец и запрет иудейского Бога, всюду шумурыгали мётлами, задавая неспешный ритм любителям утренних пробежек и сладострастных постельных баталий.

Подняв воротник и спрятав озябшие руки в карманы плаща, Иван Петрович Семёнов понуро брёл по безлюдной улочке. Шуршащие под ногами красные кленовые листья, припорошенные первым снежком, отчего-то напоминали густо присоленных вареных раков.

— Эх, сейчас бы пивка, — мечтательно вздохнул экс-клиент медвытрезвителя № 2 и, грустно улыбнувшись, побрел далее.

Изрядно перебравший накануне работник краеведческого музея чувствовал себя архискверно. Голова трещала, что старый холодильник «Полюс», каковой Иван всё никак не удосуживался перетащить из спальни в коридор, перед очами рябило, в горле свирепствовал самум.

Однако в данный момент сухость во рту, рябь в глазах и головная боль занимали Ивана менее

всего. Вослед за Чернышевским и Ульяновым-Лениным Семёнов задался извечным российским вопросом, вопросом с заглавной буквы «Ч» — «Что делать?»

Что же всё-таки делать? А?!

Как объяснить жене Любаше свое суточное отсутствие?

Что сказать дочке Муське? Ведь он обещал ей купить с получки куклу.

Как смотреть в понедельник в глаза Пал Палычу, директору краеведческого музея?

Как вести себя на допросе у тёщи?

И самое, пожалуй, главное: где найти денег, чтобы протянуть до следующей, как выражается Женька Стаканчиков, *зря* платы?

И занять-то, как назло, не у кого. Пал Палыч сто процентов не даст, а у Стаканчикова даже спрашивать бессмысленно. Он сам извечно на мели. Гол, что тот сокол...

Тягостные размышления настолько поглотили Семёнова, что он не заметил, как уперся головой в афишную тумбу, обклеенную снизу доверху разноцветными бумажками. Некоторое время Иван недоуменно взирал на неожиданно выросшее на пути препятствие, затем стукнул себя кулаком по лбу и радостно воскликнул:

— Ну, конечно! Вот оно!

С видом утопающего, готового схватиться за

любую, даже самую тонюсенькую соломинку, заведующий отделом культуры краеведческого музея города Мухозванска принялся внимательно изучать многочисленные объявления, расклеенные на вздувшемся брюхе афишного столба. Иван Петрович искренне полагал: одно из этих объявлений обязательно даст ответ на все его вопросы. Он непременно найдет неплохую подработку, какую-нибудь левую халтурку, или, на худой конец, адрес одного из ломбардов, каковых в последнее время развелось превеликое множество.

— На крайний случай, — решил Семёнов, — заложу кольцо и часы.

Оставшийся без средств к существованию работник культурной сферы жадно пожирал глазами заголовки объявлений. Как назло не попадалось ничего подходящего. Сплошные «Продам», «Сдаю», «Сниму» (какой-то остряк самоучка подписал чуть ниже малиновым маркером «труссы»), «Меняю» (опять-таки приписка безвестного балагура — «шило на мыло») и прочая тому подобная ерундистика.

Семёнов дважды обошел вокруг столба, но так и не нашел ничего стоящего.

Разочарованный Иван помянул недобрым словом мамашу афишной тумбы и вгорячах плюнул на тротуар.

— Нехорошо, — раздался у него за спиной

чей-то голос.

Второй раз за утро Семёнов слышал в свой адрес слово «нехорошо», и во второй раз ему стало ужасно стыдно. Он густо покраснел, что те самые кленовые листья, и повернулся к говорившему. Тот оказался бодрым старичком в чеховском пенсне, клетчатом пальто и изящном шотландском кепи. Пышные усы делали незнакомца похожим на легендарного командарма Буденного.

— Извините, — промямлил Иван, растянув губы в кислом подобии улыбки.

Укоризненно покачав головой, старичок-бодрячок отстранил горемыку в сторону, просеменил к афишной тумбе и ловким отточенным движением прилепнул на самое видное место розовую бумажку размером в пол тетрадного листа. Отошел на два шага назад, подкрутил командармские усы, полюбовался на творение рук своих, и, оставшись весьма довольным, удалился восвояси, насвистывая незатейливый мотивчик из очередного новомодного мюзикла.

Иван посмотрел вслед беззаботному старичку, повернулся к афишному столбу и скорее машинально, нежели из реального интереса прочитал, что было напечатано на розовом листке.

А напечатано там было следующее:

ТРЕБУЕТСЯ ДОБРОВОЛЕЦ
ДЛЯ УЧАСТИЯ В НАУЧНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ.

ОПЛАТА ВЫСОКАЯ.

Тел.: 77-10-05

Спросить Серафима Евграфовича Семирамидского

Выдержав полторасекундную паузу, Семёнов еще раз перечитал странное объявление. Особенно его внимание привлекла третья строчка (причем, как сверху, так и снизу). Та самая строчка, в коей говорилось о высокой оплате.

«Интересно, — подумал Иван, — а насколько она высока?»

И тут наш герой совершил поступок, о котором впоследствии пожалел не один десяток раз. Он сорвал розовую бумажку, сунул в карман плаща, и, пустившись вдогонку за стариком в шотландском кепи, заголосил на всю улицу:

— Подождите! А насколько высокая?

Глава Вторая, рассказывающая о том, что при желании можно попасть не только в медвытрезвитель, но и в сказку

*До чего дошел прогресс,
До невиданных чудес.*

Песенка Сыроежкина из к/ф «Приключения Электроника»

Оплата и впрямь оказалась высокой. Серафим Евграфович Семирамидский (а именно так звали бодрого старичка в клетчатом пальто) обязывался уплатить всякому, кто отважится принять участие в задуманном им эксперименте ровно пять тысяч целковых и ни копейкой меньше.

Иван поначалу обрадовался: ведь именно этой, так нравящейся Шуре Балаганову суммы, ему не хватало для полного счастья. Но, вспомнив пословицу о бесплатном сыре, который, как известно, бывает только в мышеловках, невезучий тезка Сусанина посмотрел на нового знакомца с некоторой долей опаски.

— Ваш эксперимент, наверное, связан с огромным риском для жизни, коль скоро вы готовы выплатить такой немалый гонорар? — спросил Иван.

— Ну что вы, молодой человек, — потешно

замахал руками Семирамидский. — Уверяю вас, эксперимент самый, что ни на есть безопасный.

Подобный ответ еще более насторожил Семёнова. После того, как несколько лет назад все его сбережения упорхнули вместе с бабочками из «МММ», он с недоверием относился к любым заверениям о быстром и легком обогащении.

— А сколько продлится этот ваш эксперимент? — поинтересовался Иван.

— Минут так тридцать-сорок. — Подумал, добавил: — От силы час.

— Извините, но какой смысл платить такие крупные деньги за абсолютно, как вы утверждаете, безопасный, и к тому же весьма кратковременный эксперимент?

Обладателя шотландского кепи нисколько не смутила подобная постановка вопроса. Он щегольски подкрутил правый ус, сказал:

— Видите ли, юноша. Пять долгих лет без выходных, проходных и отпусков я шел к осуществлению своей заветной мечты. И вот сейчас, когда я стою на пороге, быть может *самого* величайшего открытия в истории человечества, я просто не имею морального права медлить. А уж тем более скупиться. Я рассуждаю так: чем выше вознаграждение за участие в эксперименте, тем быстрее найдется человек, желающий это вознаграждение получить. — Серафим Евграфович

лукаво подмигнул Ивану. — И, кажется, я не ошибся.

Семёнову показалось, будто Семирамидский принимает его за охотника до легкой наживы. Иван залился багрянцем, что юная курсистка, невнятно пробормотал:

— Вы не подумайте чего такого... Просто... М-м-м... Мне очень нужны деньги.

— Деньги не нужны лишь бабочкам да птичкам, — отшутился Серафим Евграфович. — Однако, юноша, поспешим в лабораторию. Здесь совсем недалеко. — Старичок азартно потёр ладони. — Мне не терпится поскорее приступить к эксперименту...

* * *

Пресловутая лаборатория располагалась прямым ходом в квартире Серафима Евграфовича: занимала одну из двух комнат убогой, явно не дотягивающей до царских палат хрущёвки. Вся лаборатория — комнатуха два на пять, заставленная до самого потолка (от силы два сорок) разнообразнейшей хитроумной аппаратурой.

Невиданные приборы утробно урчали, пыхтели, фыркали, сипели, изредка перемигиваясь разноцветными лампочками и датчиками. Количество кнопочек, пимпочек, пумпочек не

подлежало подсчету, звёзд на небе — и то меньше.

О назначении большинства агрегатов Иван не имел ни малейшего представления. Скажу вам по секрету, гуманитарий до мозга костей, Семёнов порою не мог управиться даже с кухонным комбайном и телевизором.

В центре комнаты, на единственном свободном от приборов пятачке, располагалось сиденье, надо признать, весьма своеобразной конструкции. Оно причудливо сочетало в себе элементы стоматологического и гинекологического кресел. Странное устройство опутывала целая паутина разноцветных кабелей и проводов. Самый толстый кабель, сытой анакондой растянувшийся через всю лабораторию, соединял чудное сиденье с компьютерным монитором.

— Присаживайтесь. — Серафим Евграфович гостеприимно указал на диковинное кресло.

— Надеюсь, это не электрический стул? — не совсем удачно съюморил Иван.

— Какие глупости, — фыркнул экспериментатор. — Сей предмет, смею вас заверить, абсолютно безопасен. Устраивайтесь поудобней.

«Не самая удачная шутка, — подумал Семёнов. — Разве можно чувствовать себя удобно, когда ноги находятся выше головы?».

Тем не менее, добровольный «агнец» от науки

не без труда взгромоздился на причудливое кресло, окрестив его про себя «жертвенным алтарем».

— Прежде чем дать окончательное согласие на участие в вашем эксперименте, — сказал Иван, угнёздываясь на «алтаре науки», — я бы хотел узнать о нем немного поподробнее.

— Всенепременно, любезнейший! — Семирамидский заложил руки за спину и с видом заправского лектора повел рассказ: — Многие годы я потратил на создание совершенного компьютера. Компьютера, способного хранить и обрабатывать в недрах своей памяти доселе неведомые, практически безграничные потоки информации. Не без гордости скажу: мне это удалось. Вот она! — Восторженный ученый обвел заставленную аппаратурой комнату рукой. — Вот она, думающая машина нового поколения. Я назвал её «ЭЛИС».

— Эллис? — переспросил Иван. — Алиса что ли?

— Нет. «ЭЛИС» означает — Электронный Интеллект Семирамидского.

— А-а-а, — со знанием дела протянул Семёнов, хотя толком пока ещё ничего не уразумел.

— О технических деталях своего изобретения, — продолжил лекцию Серафим Евграфович, — я, пожалуй, умолчу. Пусть это останется моим маленьким ноу-хау. Тем более, вряд ли вам будут интересны сухие научные

выкладки и математические формулы... Хочу заострить ваше внимание на главном. Память моей машины безгранична, как сама Вселенная! Вот на этом диске, — в руке изобретателя блеснула серебристая круглая пластина, размером чуть меньше обыкновенного CD, — может быть записана вся мировая библиотека. А несколько десятков таких дисков способны хранить *всю*, накопленную на сегодняшний день человеческой цивилизацией информацию!

— Ух ты, — только и смог вымолвить Иван.

— Но самое интересное, — продолжал увлекшийся лектор, — это то, что «ЭЛИС» на основе заложенной в его память информации способен сам, *без* помощи человека, моделировать новые миры! Я назвал их Вэ-Эм-Эс — Виртуальные Миры Семирамидского.

«Смерть от скромности дедушке явно не грозит», — сдохмил про себя Семёнов, но вслух ничего не сказал.

— Вы только представьте себе, юноша. Новый, никому неведомый мир! Мир, пусть и виртуальной, но всё-таки реальности!!!

Глаза Серафима Евграфовича сияли восторженным огнем, точно у перебравшего валерьянки мартовского кота. Волосы на голове вздыбились, усы вибрировали, точно громоотводы на заводских трубах в июльскую грозу, из ушей,

казалось, вот-вот повалит пар. В данную секунду ученый напоминал какого-нибудь оманьячившегося профессора из третьесортного голливудского ужастика.

— И вот что поистине грандиозно! — все более и более распалялся Семирамидский, — Человек, попавший в такой виртуальный мир (сокращённо Вэ-мир), сможет жить там такой же полноценной жизнью, каковой мы с вами, разлюбезнейший, живем в *этом*, реальном мире!

— Неужели, в эти ваши, как их там, Вэ-миры можно еще и попасть? — искренне удивился Иван.

— В этом-то и весь фокус! «ЭЛИС» способен не только моделировать новые миры, он даёт возможность человеку путешествовать по ним! Только вдумайтесь! Никаких границ, никаких виз! Необходимо лишь загрузить в память моей машины подробнейшую информацию о той стране, куда вы хотели бы отправиться, и все. Полный вперед! Хотите в Австралию, хотите на Гавайи, а хотите — хоть на Северный полюс. Да, что там полюс. С «ЭЛИС» можно путешествовать не только в пространстве, но и во времени!

— Да ну?!

— Точно вам говорю! Моя машина запросто может отправить вас в средневековую Англию, в доколумбовую Америку, или в Египет времен фараонов.

— Прямо «Матрица» какая-то, — пробормотал Иван.

Семирамидский не обратил на слова гостя никакого внимания. Он был всецело поглощен рассказом о собственном изобретении.

— Я, если так можно выразиться, создал не просто уникальную думаящую машину, я создал новую виртуальную Вселенную! Скажу больше — виртуальную материю!!!

— Не понял, — честно признался Семёнов.

Серафим Евграфович одарил непонятливого слушателя одним из тех взглядов, каковых в избытке припасено для нерадивых студентов у всякого уважающего себя профессора.

— Что, по вашему разумению, молодой человек, есть материя? Конечно в философском, а не трикотажном смысле этого слова.

— Материя — есть объективная реальность, данная нам в ощущениях, — отчеканил Иван, вдолбленное в голову институтским преподавателем по диамату определение.

— Вот именно! — Семирамидский резко воздел руку, словно попытался проткнуть указательным пальцем потолок (но не дотянулся). — Реальность, данная в ощущениях. Иными словами, для нас субъективно существует лишь то, что, так или иначе, оказывает воздействие на наши органы чувств. То, что мы видим, слышим,

осязаем, обоняем и чувствуем на вкус. Всё остальное, конечно, тоже существует, но существует как бы объективно, вне нас и наших органов чувств... Так вот. Путешественник по Вэ-мирам сможет ощущать эти самые миры! Ощущать всеми пятью органами чувств! Он будет их видеть, слышать, обонять, осязать и даже воспринимать на вкус!!! Причем он будет делать это точно так же, как мы с вами делаем это сейчас в нашем реальном мире.

Иван оживился.

— Это что ж получается, ежели попавший в ваш виртуальный мир человек съест там, например, сладкую булочку, то...

— Да. В реальном мире он почувствует вкус сдобного печеного теста, а также чувство утоленного голода, как если бы он доподлинно проглотил эту самую булку!

— Ну, а если наш путешественник, допустим, сунет руку в виртуальный костер? — продолжил фантазировать Семёнов.

— В тот же миг он обожжется, и на руке у него вскочит всамоделешный волдырь.

— Погодите, погодите. А что если некому доморощенному тирану из вашего Вэ-мира, какому-нибудь Ивану Грозному или Генриху Восьмому, вдруг пожелается взять, да и оттяпать нашему путешественнику голову?

Серафим Евграфович призадумался.

— Ну, я думаю, голова у подопытного, конечно, останется на месте. Но в тоже время, прервав свое существование в Вэ-мире, человек, по идее, должен прервать его и в мире реальном.

— То есть вы хотите сказать, — глаза Ивана расширились от ужаса, — человек умрет?!

— Ну да.

Семёнов пулей слетел с «гинеколога-стоматологического» кресла.

— Ну, знаете ли! Коли у вас это называется «абсолютно безопасным экспериментом», то увольте меня от дальнейшего в нём участия. Мне ещё хочется немного пожить. Рассчитываю дотянуть годков эдак до семидесяти-восемидесяти, как минимум.

— Пойдите, юноша, — Семирамидский попытался усадить переполошившегося гостя обратно в кресло. — Вы совершенно напрасно беспокоитесь. У меня все продумано, просчитано, проверено. С чего это вы взяли, будто я собираюсь заслать вас в Вэ-мир, где правят какие-то норовящие оттяпать вам голову тираны? Специально для первого, экспериментального, так сказать, путешествия я выбрал мир... русской сказки. Нашей родной народной сказки... Целый месяц я загружал в память «ЭЛИС» всевозможные материалы по русскому фольклору: от мифов и

былин, до быличек, прибауток и побасенок.

— Вы, конечно, извините меня, Серафим Евграфович, — воспротивился Семёнов, — но я тоже почитывал в детстве русские народные сказки. И прекрасно знаю, какие Чуды-Юды там порой встречаются. Отчего-то мне не улыбается столкнуться в вашем сказочном Вэ-мире, например, со Змеем Горынычем, или с каким-нибудь людоедом.

— Что за дурная манера у современной молодежи перебивать старших, — возмутился Семирамидский. — Выслушайте меня, пожалуйста, до конца. Как я уже говорил, эксперимент будет весьма кратковременным. Для первого посещения Вэ-мира, я думаю, вполне хватит и пятнадцати минут. Вряд ли за это время с вами там успеет произойти что-нибудь страшное. Ну а, во-вторых, я буду внимательно следить за всеми вашими действиями. Предусмотрена у меня и такая функция, специальный монитор имеется. И ежели вдруг вам будет угрожать какая-либо маломальская опасность, я тут же верну вас в наш реальный мир.

Иван призадумался:

«Уж больно мягко стелет. Как бы не пришлось жестко спать... Хотя, собственно, что я теряю? Ну, посмотрю полчасика компьютерный мультик из жизни бабки-ежки и курочки Рябы. А потом — положу денежки в карман и — адью, до

дому, что называется, до хаты. Буду сочинять собственную сказочку для жены и тещи о том, где провел сегодняшнюю ночь... Эх, была, не была! Бог, как говорится, не выдаст, свинья не съест...»

— Так сколько, вы говорите, продлится эксперимент? — спросил Иван, вновь усаживаясь в неудобное кресло.

— Минут тридцать-сорок, максимум час, — обрадовался перемене в настроении подопытного Серафим Евграфович. — Это со всеми приготовлениями и сопутствующими процедурами.

Семёнов взглянул на «Командирские». Маленькая стрелка зацепилась за цифру десять.

— Эх! — махнул рукой Иван. — Валяйте, отправляйте меня в ваш Вэ-Эм-Эс... Только учтите, ровно в двенадцать я должен быть дома.

— Раньше будете, — заверил Семирамидский.

Экспериментатор накинул белый халат, проследовал в ванную комнату, и, точно хирург перед операцией, тщательнейшим образом вымыл руки с душистым мылом.

Семёнов еще раз окинул восхищённым взором заставленную сложным оборудованием комнату. Когда хозяин квартиры-лаборатории вновь возник на пороге, Иван спросил:

— Неужели вы собрали эту махину в одиночку?

— Не совсем, — с явной неохотой ответил

Серафим Евграфович. — Раньше я работал с ассистентом, но теперь... Теперь его нет.

— Как так нет?

Ученый смутился:

— М-м-м. Это долгая история. Мне не хотелось бы сейчас о ней распространяться.

— Как знаете, — не стал настаивать Иван. — Тогда хоть поведайте немного о технической стороне путешествий в эти ваши Вэ-миры. Не желается, знаете ли, выступать в роли безмозглого подопытного кролика. Как говаривали в одном познавательном киножурнале из моего детства: «Хочу всё знать!»

Семирамидский доверительно улыбнулся:

— Все очень просто. Вы сидите в кресле. Я с помощью датчиков подключаю вас к «ЭЛИС». Затем усыпляю специальным препаратом-активатором. Через десять секунд вы засыпаете и — вуаля, просыпаетесь уже в виртуальном мире! Хотя слово «просыпаетесь» здесь вряд ли уместно. Лично вы, ваша, так сказать, телесная оболочка, по-прежнему останется сидеть в этом кресле, находясь в состоянии, похожем на летаргический сон. А вот ваши мысли отправятся в удивительное путешествие по неизведанному миру.

Семёнов бодро отрапортовал:

— Ну что ж, я готов...